

А.И. Алиева*

**АМЕРИКАНО-ТУРЕЦКОЕ
«ОБРАЗЦОВОЕ ПАРТНЕРСТВО»:
ПРОВЕРКА НА ПРОЧНОСТЬ (2009–2010)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

США и Турцию многие десятилетия связывали прочные узы стратегического партнерства, оформившегося еще на заре «холодной войны». Однако в последние годы отношения между союзниками по НАТО развиваются по весьма неустойчивой траектории. Корни многих нынешних противоречий между Анкарой и Вашингтоном проявились еще в первые годы президентства Б. Обамы. В статье обозначены причины и характер сложностей, с которыми США и Турция столкнулись на пути воплощения в жизнь предложенной демократической администрацией концепции «образцового партнерства» в 2009–2010 гг. Рассмотрено, в частности, влияние произошедшей за 2000-е годы трансформации внешнеполитической стратегии Турции на изменение ее общей линии поведения в отношениях с США и появление у Анкары настойчивого желания добиться от Вашингтона признания и уважения своих национальных интересов. Трудности выработки Турцией и США согласованной позиции проиллюстрированы на примерах противоречий касательно взаимодействия с Израилем и Ираном. Показано, что различные методы убеждения и давления на Анкару, к которым прибегала администрация Б. Обамы, не всегда были эффективными, а их применение в ряде случаев лишь усугубляло ситуацию. Автор также подробно изучает развернувшуюся на фоне обострившихся разногласий в политических и академических кругах США дискуссию о перспективах двустороннего сотрудничества и внешнеполитической идентичности современной Турции. Наконец, в статье определены основные факторы сближения стран после временного кризиса. Автор приходит к выводу, что определяющую роль в предотвращении дальнейшей его эскалации сыграл фактор безопасности. Военно-стратегическое сотрудничество США и Турции в рамках НАТО осталось — вопреки

---

* *Алиева Алтунай Илгар кызы* — младший научный сотрудник факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, эксперт Центра проблем безопасности и развития ФМП МГУ (e-mail: altunay.i.aliyeva@gmail.com).

разногласиям по отдельным региональным вопросам и громким политическим скандалам — краеугольным камнем двусторонних отношений. Американо-турецкое партнерство, пусть и не став «образцовым», выдержало проверку на прочность, чтобы вскоре испытать на себе воздействие еще более сложных вызовов, связанных с дестабилизацией региона в результате «Арабского пробуждения».

Ключевые слова: США, Турция, американо-турецкие отношения, Б. Обама, турецко-израильские отношения, ядерная программа Ирана, НАТО, Ближний Восток, Партия справедливости и развития, «образцовое партнерство».

В августе 2018 г. в газете «The New York Times» была опубликована статья президента Турецкой Республики Р.Т. Эрдогана¹. Ее выход (весьма неожиданный) совпал по времени с решением властей США ввести санкции в отношении двух турецких министров в связи с отказом Анкары освободить из-под ареста американского пастора Э. Брансона². Президент Турции в своей статье обращался к руководству США, с которым уже не первый месяц находился в конфликте. Американская помощь боевым подразделениям сирийских курдов, спор из-за экстрадиции из США в Турцию проповедника и лидера организации «Хизмет» Ф. Гюлена³, покупка Анкарой российских систем ПВО С-400 — лишь малая часть тех вопросов, которые вызывали взаимное недовольство двух государств.

Р.Т. Эрдоган на страницах «The New York Times» напомнил о том, как «две страны плечом к плечу боролись с общими вызовами в годы “холодной войны” и после нее»⁴, с огорчением заметив, что турецко-американское партнерство находится под угрозой. По мнению турецкого лидера, односторонние действия США против Турции противоречили американским интересам и вынуждали его страну искать себе новых друзей и союзников⁵. Президент Турецкой Республики предупреждал: «Прежде чем станет слишком поздно, Вашингтон должен отказаться от

---

¹Erdogan: How Turkey sees the crisis with the U.S. // The New York Times. 10.08.2018.

²Э. Брансон находится в заключении в Турции с октября 2016 г. Он обвиняется в шпионаже и в преступлениях против государственного строя Турецкой Республики.

³Власти Турции предъявили обвинения Ф. Гюлену, проживающему в добровольном изгнании в США, в связи с делом о государственном перевороте 15 июля 2016 г.

⁴Erdogan: How Turkey sees the crisis with the U.S. // The New York Times. 10.08.2018.

⁵Ibidem.

ошибочного представления о том, что наши отношения могут быть асимметричными, и смириться с тем фактом, что у Турции есть альтернативы»⁶.

Еще 10 лет назад представить себе появление подобной статьи в одной из ведущих американских газет было крайне сложно. Сегодня столь смелые высказывания турецкого руководства в адрес американских властей уже мало кого удивляют. Спустя три дня в журнале вышла статья одного из ведущих американских экспертов по Турции, старшего научного сотрудника по изучению Ближнего Востока и Африки Совета по международным отношениям С. Кука. По его словам, президент Р.Т. Эрдоган рассказал только половину истории, заставив читателей поверить в то, что Турция — надежный союзник и партнер — стала жертвой стратегических просчетов Вашингтона. С. Кук же обращал внимание на то, что у Соединенных Штатов имелся свой список претензий к Анкаре, и возлагал вину за ухудшение отношений между странами на турецкое руководство, при этом критикуя турецкую политику администрации Б. Обамы и хваля администрацию Д. Трампа за то, что она принимает меры для исправления ситуации⁷.

Большинство нынешних противоречий между Анкарой и Вашингтоном действительно возникли еще до прихода Д. Трампа в Белый дом. В этой связи особое значение приобретает вопрос о предпосылках ухудшения отношений давних стратегических партнеров и союзников, которые еще в 2009 г. — по инициативе администрации Б. Обамы — предприняли попытку выстроить «образцовое партнерство» («model partnership»).

Кризис отношений США и Турции уже становился предметом рассмотрения как в российской, так и в зарубежной литературе.

В России к изучению отношений двух стран в период президентства Б. Обамы обратились относительно недавно. Актуальность эта проблематика приобрела главным образом в контексте сирийского конфликта и продолжающейся трансформации региона Ближнего Востока. Одна из наиболее близких по тематике работ принадлежит перу известного специалиста по истории американо-турецких отношений, доцента кафедры всеобщей истории и политических наук Вятского государственного университета И.В. Смольняка. В ней он рассмотрел политику США в отношении Турции до и после «Арабского пробужде-

---

⁶ Ibidem.

⁷ Cook S. Trump is the first president to get Turkey right // Foreign Policy. 13.08.2018.

ния», сконцентрировавшись на проблемах сотрудничества двух стран в военной области, и в контексте борьбы с терроризмом на Ближнем Востоке и пришел к выводу, что недоверие между США и Турцией усилилось за годы правления администрации Б. Обамы, когда американо-турецкий альянс подвергся серьезным испытаниям [Смоляняк, 2017]. Отдельные аспекты американо-турецкого партнерства нашли освещение в публикациях старшего научного сотрудника Российского института стратегических исследований И.А. Свистуновой. В одной из своих работ она представила подробный анализ военно-стратегического и политического сотрудничества США и Турции на Ближнем Востоке [Свистунова, 2014]. Еще одно исследование этого автора было посвящено эволюции американо-турецкого взаимодействия в сфере безопасности на ближневосточном направлении в 1990–2010-е годы. По мнению эксперта, стержневую роль в отношениях США и Турецкой Республики играли связи в рамках Североатлантического альянса [Свистунова, 2016]. Эволюцию взаимодействия Турецкой Республики с Европейским союзом и Соединенными Штатами Америки в вопросах безопасности и их подходы к борьбе с терроризмом в 1990–2010-е годы исследовал также доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ П.В. Шлыков [Шлыков, 2017]. К развитию партнерства двух стран на ближневосточном направлении во многих своих работах обращалась и тюрколог, доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО И.И. Иванова. В одной из них она осветила те события на Ближнем Востоке, которые оказали влияние на логику и динамику развития американо-турецких отношений на ранних этапах президентства Б. Обамы, уделив основное внимание проблемам, возникшим из-за различий в подходах США и Турции к Израилю и Ирану⁸.

Вместе с тем приходится констатировать, что перечень отечественных работ, которые охватывали бы заявленный хронологический период, невелик. Это связано с тем, что в российской историографии наибольшее внимание было сосредоточено на событиях после 2011 г. — начале «Арабского пробуждения» и конфликте в Сирии, когда в дела Ближнего Востока стала в большей степени вовлекаться Россия. Развитие американо-ту-

---

⁸ Иванова И.И. Ближний Восток в турецко-американских отношениях // Институт востоковедения РАН. 2010. Доступ: <https://mgimo.ru/upload/iblock/ced/ced42227a057240ad15a90a925f8f226.pdf> (дата обращения: 10.02.2019).

рецкого взаимодействия в предыдущие годы остается до сих пор изученным в существенно меньшей степени.

В зарубежной же научной литературе взаимоотношениям США и Турции в первые годы президентства Б. Обамы было посвящено гораздо больше работ. Стоит отметить, что приход в 2009 г. к власти новой администрации и связывавшиеся с ней в турецком обществе ожидания позитивных перемен в отношении двух государств нашли отражение в ряде исследований об эволюции американо-турецкого партнерства [Arı, 2010; Türkmen, 2012]. На наш взгляд, важно также обратить внимание на то обстоятельство, что и американские, и турецкие авторы активно оперировали ключевыми терминами, которые появились в дискурсе в данный период и пока мало знакомы российскому читателю. В первую очередь речь идет как раз о понятии «образцовое партнерство» между США и Турцией, которое встречается в трудах многих исследователей [Han, 2010; Gözen, 2010; Kardaş, 2011; Walker, 2010; Yılmaz, 2011a, 2011b; Williams, 2011; Aslan, 2012; Türkmen, 2012].

Вместе с тем, несмотря на обилие работ о развитии американо-турецких отношений в первые годы президентства Б. Обамы, ни в одной из них нет четкой трактовки данного концепта. При этом для зарубежной историографии весьма характерна попытка объяснить многие изменения (положительные и отрицательные) в американо-турецком партнерстве появлением «новой» Турции и трансформацией ее глобальной и региональной политики [Türkmen, 2009; Kalın, 2010; Larrabee, 2010a, 2010b, 2011; Sims, 2010; Taşpınar, 2011].

Особый интерес для нашего исследования представляли труды, посвященные «израильскому» и «иранскому» вопросам в двусторонних отношениях [например: Özhan, 2010; Üstün, 2010; Çakmak, Güneysu, 2013], поскольку, по мнению большинства ученых, во время этих кампаний кризисные тенденции в развитии американо-турецкого взаимодействия проявились наиболее ярко. Вместе с тем в указанных работах нет четкого ответа на вопрос, почему это произошло при Б. Обаме в 2009–2010 гг.

Предлагаемая статья призвана восполнить этот пробел. Цель автора — понять истоки кризиса в американо-турецких отношениях через осмысление сложностей, с которыми США и Турция столкнулись на пути воплощения в жизнь предложенной администрацией Б. Обамы концепции «образцового партнерства».

Для решения поставленной задачи в статье сначала будут кратко затронуты ключевые изменения в логике поведения Турции на международной арене после прихода к власти Партии справедливости и развития в 2002 г., раскрыты истоки и содержание концепции «образцового партнерства» и рассмотрены первые шаги по восстановлению доверия между Вашингтоном и Анкарой, предпринятые США при администрации Б. Обамы. Далее внимание будет сосредоточено на развитии взаимоотношений Турции с Израилем и Ираном, которые в наибольшей степени способствовали резкому торможению процесса реализации «образцового партнерства». Наконец, в последних разделах статьи будет раскрыто содержание развернувшейся на фоне ухудшения американо-турецких отношений в обеих странах дискуссии о внешнеполитической идентичности Турции и прочности декларируемого партнерства и определены факторы, способствовавшие смягчению разногласий между Вашингтоном и Анкарой перед началом «Арабского пробуждения», несмотря на ряд препятствий и политических скандалов.

* * *

Пришедшая в 2002 г. к власти в Турции Партия справедливости и развития (ПСР) приступила к пересмотру положения страны в системе международных отношений. К середине 2000-х годов одним из внешнеполитических принципов ПСР стала установка на «ноль проблем с соседями», предполагавшая нормализацию отношений с пограничными странами и регионами [см.: Murinson, 2006; Danforth, 2008; Kramer, 2010; Abramowitz, Edelman, 2013]. Это позволило Турции наладить диалог со многими государствами, не входившими в круг ее традиционных партнеров, например с Ираном, Сирией, Россией⁹. Подтверждением серьезности намерений руководителей ПСР «обнулить проблемы» с соседями стал и запущенный в 2008 г. переговорный процесс с Арменией.

Однако у «добрососедской» политики обнаружились «побочные эффекты»: она не позволяла находиться в дружественных отношениях одновременно со всеми. Так, лидерам ПСР удалось наладить диалог с Ираном и Сирией, но вместе с тем наблюдалось ухудшение на израильском направлении. Критика

---

⁹ Например: Weitz R. The new United States-Turkey partnership: A view from Washington. Rethink Paper no. 7. December. Washington, D.C.: Rethink Institute, 2012. P. 1.

региональной политики израильских властей и их действий в отношении сектора Газа со стороны Анкары усиливалась с каждым годом.

При этом Турция сохранила западный (европейский) вектор внешней политики в качестве приоритетного. В первые годы своего правления ПСР провела важные политические и экономические преобразования, начала переговоры с Брюсселем о вступлении страны в Европейский союз. Однако нерешенность многолетнего кипрского спора и принятие в 2004 г. Республики Кипр в состав ЕС стали серьезными преградами на пути евроинтеграции Турции. К концу 2008 г. поставленная цель не была достигнута, однако от сотрудничества с Европой и западным миром в целом Анкара не собиралась отказываться.

Продолжало развиваться и военно-стратегическое взаимодействие Турции с ее союзниками по НАТО. На турецкой территории сохранялись военные объекты Североатлантического альянса; ее географическое положение имело стратегическое значение для проведения операций в Ираке и Афганистане. Многочисленная армия (вторая после США) также выделяла Турцию среди членов НАТО, не меньшее значение имел и ее политический вес в альянсе. Во многих вопросах Анкара занимала принципиальную позицию, и ей удавалось добиваться значимых уступок от своих партнеров по блоку. Например, в Афганистане турецкие военнослужащие не участвовали в боевых действиях, а занимались лишь реализацией программ, направленных на содействие развитию и безопасности этой страны.

Другой важной внешнеполитической инициативой ПСР стала проактивная, упреждающая мирная дипломатия, нацеленная на предотвращение возникновения кризисов и их эскалации до критического уровня¹⁰. Региональная политика Турции опиралась на идеи «безопасности для всех», политического диалога на высоком уровне, экономической интеграции, взаимозависимости и сосуществования различных культур¹¹.

Эти принципы были реализованы, в частности, на иракском направлении. Ситуация в соседней стране воспринималась Анкарой сквозь призму курдского вопроса и борьбы с Рабочей партией Курдистана (РПК). Появление автономной курдской области

---

¹⁰ Article by H.E. Ahmet Davutoğlu published in Foreign Policy magazine (USA) on 20 May 2010 // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Available at: http://www.mfa.gov.tr/article-by-h_e_-ahmet-davutoglu-published-in-foreign-policy-magazine-_usa_-on-20-may-2010.en.mfa (accessed: 01.09.2018).

¹¹ Ibidem.

на севере Ирака вызывало серьезное беспокойство турецкого руководства, которое воспринимало это как предпосылку для активизации РПК и усиления сепаратистских настроений среди турецких курдов. В этих условиях возникали серьезные угрозы безопасности Турции и ее территориальной целостности. После ряда военных операций против сил РПК Анкара совершила разворот на 180 градусов. Во второй половине 2000-х годов турецкое правительство подписало соглашения с иракскими курдами об импорте нефти, начало официальный диалог с Региональным правительством Курдистана и сократило свое сотрудничество с Фронтом иракских туркоман [см.: Barkey, 2010: 2–3]. К началу 2009 г. угроза национальной безопасности Турции, исходившая от РПК, была снижена.

Фактор безопасности сыграл ключевую роль и в американо-турецких отношениях. В годы президентства Дж. Буша-мл. в них произошел глубокий и продолжительный спад¹². Несмотря на то что отношения улучшились после решения Белого дома предоставить Анкаре «оперативную информацию» о деятельности РПК в конце 2007 г., сдвиг в политике США случился слишком поздно, чтобы оказать серьезное влияние на турецкое руководство [Larrabee, 2010c: 175–176]. По мнению главы отдела европейской безопасности «Корпорации РЭНД» Ф.С. Лэрреби, нежелание Вашингтона помочь Турции в ее борьбе против РПК привело к значительной напряженности во взаимоотношениях и резкому росту антиамериканских настроений среди турок. По оценкам Исследовательского центра Пью (Pew Research Center), в 2008 г. лишь 12% турецких граждан относились к Соединенным Штатам позитивно (для сравнения: в 2000 г. — 52%)¹³.

По словам бывшего посла США в Турции М. Пэрриса, к концу 2008 г. отношения двух стран находились в худшем состоянии, чем в начале правления республиканца Дж. Буша-мл. [Parris, 2008: 5]. Ситуацию требовалось срочно исправлять, и победа на президентских выборах кандидата от Демократической партии Б. Обамы давала на это определенные надежды.

---

¹² Турецкий парламент отказался предоставить Соединенным Штатам доступ к военным базам на турецкой территории для атаки Ирака с севера. В марте 2003 г. он проголосовал против принятия соответствующей резолюции. Однако впоследствии дал такое право США для проведения военной кампании в Ираке.

¹³ Global public opinion in the Bush years (2001–2008) // Pew Research Center. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2008/12/18/global-public-opinion-in-the-bush-years-2001-2008/> (accessed: 26.07.2018).

В целом у команды Б. Обамы на момент объявления результатов выборов в ноябре 2008 г. отсутствовала продуманная стратегия в отношении Турецкой Республики. В ходе предвыборной кампании будущий президент упоминал Анкару лишь тогда, когда речь заходила о событиях 1915 г. в Османской империи, которые он квалифицировал как геноцид¹⁴. Только спустя месяц после президентских выборов, в декабре 2008 г., была опубликована программа Обамы–Байдена «Более крепкое партнерство с Европой для более безопасной Америки»¹⁵, в которой налаживание тесных отношений со стабильной, демократической, ориентированной на Запад Турцией определялось как «важный национальный интерес США».

Новое американское руководство осознавало важность для Анкары вопроса об обеспечении безопасности перед лицом террористической угрозы, источником которой выступала РПК. Раскол Ирака вследствие новых вооруженных столкновений турецких военнослужащих с курдскими боевыми подразделениями был весьма нежелательным для американцев в свете запланированного вывода войск из этой страны. Программа Обамы–Байдена постулировала необходимость содействия сближению турок и курдов Северного Ирака для достижения ими согласия о противодействии РПК, территориальной целостности Турции и турецких инвестициях для оживления двусторонней торговли¹⁶. Новая американская администрация демонстрировала, что признает право Турецкой Республики на защиту от террористической угрозы. Уже 23 января 2009 г. Вашингтон, Анкара и Багдад договорились о создании на севере Ирака совместного оперативного центра для сбора разведанных на бойцов РПК. Для Турции это означало в первую очередь укрепление ее безопасности и получение гарантий территориальной целостности. Первый шаг на пути американо-турецкого сближения демократами был сделан.

---

¹⁴ Barack Obama on the importance of US-Armenia relations. Statement // Vote Smart. 19.01.2008. Available at: <https://votesmart.org/public-statement/314330/barack-obama-on-the-importance-of-us-armenia-relations&speechType=6> \1 “XOLDOS9eMgo (accessed: 28.07.2018).

¹⁵ Obama B., Biden J. A stronger partnership with Europe for a safer America // Scribd. 08.12.2008. Available at: <https://ru.scribd.com/document/6245758/Barack-Obama-Joe-Biden-A-Stronger-Partnership-with-Europe-for-a-Safer-America> (accessed: 19.08.2018).

¹⁶ Ibidem.

Команде Б. Обамы было необходимо выработать собственный подход к взаимодействию с Анкарой. Мощную интеллектуальную и информационную поддержку ей оказали в этом различные аналитические центры США и ведущие американские специалисты по Турции. Пожалуй, ключевую роль сыграл Институт Брукингса. Наравне с главным экспертом по американо-турецким отношениям — О. Ташпынаром [Taşpınar, 2009] — свои рекомендации касательно турецкой стратегии Б. Обамы также давали бывший посол США в Турции М. Пэррис¹⁷ и директор по европейским делам в Совете национальной безопасности при администрации У. Клинтона Ф. Гордон [Gordon et al., 2008]. Последний был назначен Б. Обамой советником госсекретаря США по делам Европы и Евразии и в команде нового президента стал известен как активный сторонник сближения двух стран.

Значительный вклад в разработку турецкой политики администрации Б. Обамы внес Центр за американский прогресс (ЦАП). В декабре 2008 г. его эксперты С.П. Бойер и Б. Катулис опубликовали доклад об американо-турецких отношениях под названием «Забытый альянс» [Boyer, Katulis, 2008], где заявляли, что 44-му президенту выпала уникальная возможность по-новому выстроить взаимодействие с Турцией. Предполагалось развивать партнерство по трем основным географическим направлениям: Ближний Восток; Южный Кавказ и Центральная Азия; Европа.

На ближневосточном направлении приоритетными задачами были обозначены установление двустороннего диалога с Турцией для формулирования и продвижения набора общих интересов и целей, сотрудничество в борьбе с РПК, развитие взаимодействия Анкары с Багдадом и Региональным правительством Курдистана, стабилизация Ирака для дальнейшей передислокации американских войск, поощрение развития турецко-израильских связей в целях содействия диалогу между Израилем и Сирией, совместная работа над решением «иранской ядерной проблемы», поддержка миротворческих усилий Турции в таких странах, как Ливан и Афганистан.

Рассматривая второе направление, эксперты ЦАП исходили из того, что географическое положение Турецкой Республики

---

¹⁷ Parris M. Memorandum to President-elect Obama, re: Turkey // Brookings Institution. 12.11.2008. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/memorandum-to-president-elect-obama-re-turkey/> (accessed: 21.08.2018); Parris M. Prospect for U.S.-Turkish relations in the Obama era // Brookings Institution. 11.02.2009. Available at: <https://www.brookings.edu/on-the-record/prospect-for-u-s-turkish-relations-in-the-obama-era/> (accessed: 21.08.2018).

делало ее главным кандидатом на поставку энергоресурсов в Европу. Администрации Б. Обамы рекомендовалось уделить внимание процессу нормализации отношений Турции и Армении, а также продолжить сотрудничество в энергетической области со странами Центральной Азии.

Что касается третьего направления, то принятие Турции в Евросоюз оценивалось как критически важная задача, решение которой могло позитивно повлиять на безопасность и экономические интересы США. Эксперты советовали Белому дому предложить свое посредничество и продолжить настаивать на вступлении Турции в ЕС. Основные политические меры включали убеждение европейских союзников (в первую очередь Франции и Германии), разрешение кипрского вопроса, поощрение процесса демократизации Турции, а также расширение двусторонних инвестиционных, деловых, образовательных и культурных связей между Вашингтоном и Анкарой.

Интересно, что авторы доклада рекомендовали Б. Обаме сделать остановку в Турции в рамках его первой поездки по Европе в качестве президента США. Принципиально важным было то, что визит в эту страну должен был быть совершен в рамках европейского, а не ближневосточного турне. Это означало бы, что новая администрация считает членство Турецкой Республики в Европейском союзе и укрепление ее связей с Западом своей стратегической целью¹⁸.

Последующие события свидетельствуют о том, что многие идеи, высказанные экспертами близких к Демократической партии «мозговых трестов», были восприняты новой администрацией.

* * *

В первые месяцы президентства Б. Обамы демократы бросили все силы на восстановление позитивного настроения и доверия между Турцией и США¹⁹. С этой целью Вашингтон инициировал серию двусторонних встреч. В конце февраля 2009 г. в Анкару прибыл специальный посланник американского президента на Ближнем Востоке Дж. Митчелл. Дипломат объявил Турцию ключевым партнером США в регионе и призвал ее правительство приложить усилия к достижению всеобъемлющего мира на всей

---

¹⁸ Ibid. P. 3.

¹⁹ Brown I.T., Nyiri Z. Obama hopes for approval turnaround with Turkish public // Gallup. 03.04.2009. Available at: http://www.gallup.com/poll/117253/Obama-Hopes-Approval-Turnaround-Turkish-Public.aspx?g_source=position2&g_medium=related&g_campaign=tiles (accessed: 02.09.2018).

его территории²⁰. Вслед за Дж. Митчеллом турецкую столицу посетила глава Государственного департамента США Х. Клинтон. Лейтмотивом переговоров госсекретаря с турецкими властями стало намерение нового американского руководства продолжить сотрудничество с Турцией по вопросам, имевшим значение для обеих стран²¹.

Главным же событием нового этапа американо-турецкого партнерства стал визит Б. Обамы в Анкару, который он совершил — в соответствии с рекомендациями ЦАП — в начале апреля 2009 г. в рамках первого заокеанского турне.

Примечательно, что эта поездка проходила в довольно напряженной атмосфере. Дело в том, что накануне в Конгресс был внесен проект резолюции о признании событий 1915 г. в Османской империи²² геноцидом, против чего Турция, не опровергая факта массовой гибели армянского населения, ожесточенно выступает. Стремясь завоевать доверие Анкары и турецкой общественности, новая администрация предпочла не идти на обострение.

6 апреля президент Б. Обама выступил перед Великим национальным собранием Турции. Он не использовал слово «геноцид» в своей речи, но призвал турецкое руководство наладить отношения с Ереваном [см., например: Bengür, 2009: 44–45]. Помимо этого новый американский президент обозначил основные направления совместной работы Турции и США на Южном Кавказе, в Восточном Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке и в Европе. Б. Обама достаточно подробно останавливался на тех сферах, в которых его администрация планировала привлечь Турцию к сотрудничеству²³. Озвученные им региональные и глобальные цели и задачи будущего партнерства Вашингтона и Анкары во многом перекликались с теми, которые ранее были определены экспертами ЦАП.

---

²⁰ Mitchell: Obama Türkiye'yi takdir ediyor // Milliyet. 26.02.2009.

²¹ Joint Statement by Turkey and the United States of America on the Occasion of the Visit of U.S. Secretary of State Hillary Rodham Clinton Upon the Invitation of Minister of Foreign Affairs of Turkey Ali Babacan. 07.03.2009 // U.S. Department of State. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2009a/03/120113.htm> (accessed: 26.07.2018).

²² H.Res.252 — Affirmation of the United States Record on the Armenian Genocide Resolution. 111th Congress (2009–2010). March 2009 // U.S. Congress. Available at: <https://www.congress.gov/bill/111th-congress/house-resolution/252/text> (accessed: 15.08.2018).

²³ Remarks by President Obama to the Turkish Parliament // The White House. 06.04.2009. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-obama-turkish-parliament> (accessed: 29.07.2018).

На совместной с турецким президентом А. Гюлем пресс-конференции Б. Обама провозгласил «образцовое партнерство» между США и Турцией. Речь шла о сотрудничестве «преимущественно христианской и преимущественно мусульманской наций, западной страны и страны, расположенной на двух континентах»²⁴. Фактически признав растущую роль ислама и исламских ценностей в Турции, Б. Обама тем самым дал понять, что религиозная идентичность этого государства становилась важным фактором для формирования «набора решений, которые ликвидировали бы разрыв между мусульманским миром и Западом»²⁵. Другой особенностью будущего партнерства была определена совместная работа сразу в трех «измерениях»: политическом, военно-стратегическом, а также экономическом²⁶.

Концепт «образцового партнерства» вызвал большой интерес в обеих странах. Развернулась активная дискуссия относительно его содержательного наполнения [см., например: Han, 2010; Sims, 2010; Kardaş, 2011; Williams, 2011; Yılmaz, 2011a]. Однако ясности в отношении того, какой смысл администрация Б. Обамы вкладывала в новый термин, не было. По мнению К.Б. Каната, эксперта турецкого Фонда политических, экономических и социальных исследований (Siyaset, Ekonomi ve Toplum Araştırmaları Vakfı, SETA), с 1990-х годов каждая американская администрация предлагала свой вариант обозначения партнерства, но ни одной не удавалось определить, в каком формате должны быть построены долгосрочные отношения [Kanat, 2015: 13]. Любое новое руководство Белого дома, предлагавшее какое-то риторическое обрамление американо-турецкого взаимодействия, сталкивалось с невозможностью сохранять в общении с Турцией позитивный настрой в течение длительного времени: разногласия в двусторонних отношениях возникали неизбежно. Провозглашение «образцового партнерства» К.Б. Канат считал закономерным процессом. С его точки зрения, ситуативные и стратегические союзы всегда возникали вследствие региональных кризисов, и как только эти кризисы разрешались, американо-турецкие отношения неизбежно сталкивались с отсутствием какого-либо ориентира [Kanat, 2015: 13]. Администрации Б. Обамы нужно было предложить такой ориентир, что и было сделано президентом во время его

---

²⁴ Joint Press Availability with President Obama and President Gül of Turkey // The White House. 06.04.2009. Available at: <https://www.historycentral.com/Bio/Obama/Obama1/Gul.html> (accessed: 29.07.2018).

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibidem.

первой поездки в Турцию. Нам представляется обоснованным и мнение К.Б. Каната о том, что появление концепта «образцового партнерства» пришлось на относительно «мирное» время, когда отсутствовали острые региональные кризисы, а в отношениях США и Турции не было непреодолимых противоречий.

В Анкаре признавали важность идейного обновления двустороннего сотрудничества и горячо поддерживали предложенный Б. Обамой концепт. По определению эксперта Вашингтонского Центра стратегических и международных исследований Б. Алиризы, послание американского президента стало «глотком свежего воздуха для правительства Р.Т. Эрдогана»²⁷. Назначенный в апреле 2009 г. новым главой МИД «архитектор» современной внешней политики Турции А. Давутоглу стал в правительстве Гюля–Эрдогана одним из сторонников активного взаимодействия с Соединенными Штатами. На 28-й ежегодной конференции по отношениям США и Турции, организованной Американо-турецким советом (American Turkish Council), он объявил о том, что «образцовое партнерство» было «не вопросом выбора, а необходимостью»²⁸. Позитивный старт давал надежду на начало совершенного нового, уникального по своему характеру этапа американо-турецкого сотрудничества.

Трансформация политического дискурса предполагала качественное изменение американского подхода к Турции. Выделение третьего, экономического, «измерения» в рамках «образцового партнерства», на первый взгляд, стало главным «нововведением» администрации Б. Обамы. Однако эта сторона американо-турецкого взаимодействия всегда присутствовала, о чем свидетельствовал тот факт, что занимавшая 17-е место среди ведущих экономик мира Турецкая Республика была объявлена в Соединенных Штатах «приоритетным рынком» для американского бизнеса. По нашему мнению, Б. Обама лишь формально выделил торгово-экономическое сотрудничество в качестве самостоятельного направления, заслуживающего особого вни-

---

²⁷ Aliriza B. President Obama's trip to Turkey: Building a 'model partnership'. Turkey Update // The Center for Strategic and International Studies. 08.04.2009. Available at: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/090408_turkey_update.pdf (accessed: 25.07.2018).

²⁸ Speech Delivered by the Minister of Foreign Affairs H.E. Ahmet Davutoğlu at the 28th Annual Conference on US-Turkish Relations Organized by ATC-DEIK: 'Turkey-US relations: A Model Partnership, Global and Regional Dimensions'. Washington, D.C. 02.06.2009 // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Available at: http://www.mfa.gov.tr/minister_s-speechat-the-28th-annual-conference-on-us-turkish-relations.en.mfa (accessed: 25.09.2018).

мания. Акцентирование этой составляющей отношений Турции и США было продиктовано необходимостью более решительных действий в сфере экономики и энергетики. Почти сразу после визита Б. Обамы в Анкару была запущена «Рамочная программа стратегического экономического и торгового сотрудничества» (Framework for Strategic Economic and Commercial Cooperation, FSECC). Чуть позднее заработал Турецко-американский деловой совет (Turkey-U.S. Business Council), призванный определять возможные пути укрепления двусторонних экономических отношений и разрабатывать политические рекомендации.

В целом 2009 год прошел для Вашингтона и Анкары на позитивной ноте. Турецкие власти также активно поддерживали идею «образцового партнерства». Во время визита Р.Т. Эрдогана в США в декабре 2009 г. премьер-министр Турции подтвердил намерение своего правительства придерживаться новой парадигмы: «Сейчас предпринимаются важные шаги для того, чтобы продолжать развивать наши двусторонние отношения, чтобы придать большее значение термину “образцовое партнерство”», — заявил турецкий лидер²⁹. Однако премьер-министр не пояснил, какой смысл он и его окружение вкладывали в это понятие. По всей видимости, предложенная Б. Обамой идея в Турции также была принята главным образом как риторическое оформление двусторонних отношений.

Однако в правительстве Р.Т. Эрдогана далеко не все разделяли мысль, что «образцовое партнерство» двух стран развивается на условиях равенства и взаимного уважения. В этом плане весьма показательным было содержание опубликованной в феврале 2010 г. статьи главного советника премьер-министра Турции по внешней политике И. Калына [Kalin, 2010], одной из ключевых фигур в правительстве Р.Т. Эрдогана. Успех страны, «восходящей» региональной державы, он объяснял ее стремлением использовать те новые возможности, которые предоставляла глобализация, и быстрым экономическим ростом. Рассуждая о состоянии американо-турецкого партнерства на современном этапе, И. Калын рекомендовал новому руководству США поддерживать хорошие отношения с Турцией и учитывать фундаментальные принципы ее внешней политики. Высокопоставленный

---

²⁹ Remarks by President Obama and Prime Minister Erdogan of Turkey after Meeting // The White House. 07.12.2009. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-obama-and-prime-minister-erdogan-turkey-after-meeting> (accessed: 30.07.2018).

турецкий чиновник также предупреждал, что нежелание США принимать изменения не только в глобальной политике, но и во внешнеполитической стратегии другого государства, а также масштаб и глубина тех международных проблем, над решением которых работали две страны, могли привести к трениям и серьезным разногласиям между ними [Kalın, 2010]. В дальнейшем вышедшие на первый план на фоне провозглашения «образцового партнерства» противоречия между Вашингтоном и Анкарой в решении отдельных региональных вопросов наглядно показали, что рассуждения турецкого политика оказались верными.

* * *

В первую очередь необходимо остановиться на проблемах американо-турецкого взаимодействия в годы президентства Б. Обамы, возникших в связи со стремительным ухудшением отношений Турции и Израиля.

Несмотря на то что новая администрация попыталась продолжить выработанный предыдущим правительством подход, ориентированный на активное вовлечение Анкары и Тель-Авива в решение региональных проблем, к началу 2009 г. отношения между двумя ближневосточными союзниками США были уже накалены. В декабре 2008 г. Израиль начал в секторе Газа военную операцию «Литой свинец», что стало полной неожиданностью для правительства Турции, поскольку несколькими днями ранее израильские официальные лица выражали намерение искать пути только мирного урегулирования палестино-израильского конфликта. Лидеры ПСР расценили действия Тель-Авива как предательство интересов Анкары и удар по их дружбе и призвали правительство Б. Нетаньяху прекратить блокаду Газы.

В начале января 2009 г. Американский еврейский комитет потребовал от Р.Т. Эрдогана прекратить резкие высказывания в адрес Израиля, однако это не оказало воздействия на турецкое правительство. Затем произошел «давосский инцидент». 29 января 2009 г. на Международном экономическом форуме в Давосе (Швейцария) на одну из конференций были приглашены премьер-министр Р.Т. Эрдоган и президент Израиля Ш. Перес. После речи израильского лидера неожиданно для всех слово взял турецкий политик. «Вы хорошо знаете, как убивать людей», — заявил Р.Т. Эрдоган, осуждая действия израильских войск в Газе. После словесной перепалки премьер-министр демонстративно покинул зал заседания, заявив, что «на этом Давос для него

закончился»³⁰. Демарш главы турецкого правительства стал не просто актом протеста против Израиля, но и открытым жестом солидарности с мусульманским миром.

Администрация Б. Обамы предпочла не обострять ситуацию и попыталась выйти на конструктивный диалог с турецким руководством. Направившийся в Анкару одним из первых после этих событий спецпосланник президента Дж. Митчелл призывал турецкие власти продолжить сотрудничество с израильским правительством. Главным образом он предлагал руководителям Турции вновь «сыграть уникальную роль в мирных переговорах» между Израилем и Сирией³¹. Об этом же просила Анкару и госсекретарь США Х. Клинтон. Однако раз за разом просьбы американской администрации наладить с Израилем отношения оставалась неслышанными.

Переход турецко-израильского противостояния на новый уровень случился уже осенью 2009 г. Политический конфликт двух стран перекинулся на военно-стратегическую сферу. В октябре Турция отказала Израилю в участии в ежегодных учениях военно-воздушных сил «Анатолийский орел». В ответ на это США отозвали собственную заявку³², продемонстрировав солидарность с Израилем. Это не осталось без внимания Анкары: осенью того же года американцы не сумели убедить турок принять участие в решении ряда важных для них региональных вопросов, в частности оказать посредничество в сирийско-израильских переговорах³³.

К концу 2009 г. будущее сотрудничества в трехстороннем формате — США, Турция, Израиль — оставалось неопределенным. Несмотря на то что в Вашингтоне признавали право Анкары развивать отношения не только с западным миром, но и со странами Ближнего Востока, стремительное дистанцирование израильтян и турок друг от друга воспринималось в администрации Б. Обамы довольно болезненно. Это могут подтвердить слова заместителя госсекретаря США по делам Европы и Евразии Ф. Гордона, раскритиковавшего турецкое руководство за его избирательный подход. «Когда Турция говорит, что хочет обеспечить “ноль проблем” со своими соседями и иметь с ними

---

³⁰ Davos'ta kriz // CNN Turk. 29.01.2009.

³¹ ABD özel temsilcisi Mitchell: 'Bölgenin güvenliği ve ferahı için birlikte çalışabiliriz' // Cihan. 26.02.2009.

³² Israel hits back at Turkey over scuppered air force drill // Haaretz. 11.10.2009.

³³ US says would welcome Tukey's mediation in Israel-Syria talks // Today's Zaman. 26.11.2009.

хорошие партнерские отношения, я думаю, многие американцы надеются, что в их числе есть и Израиль», — заявил представитель Госдепартамента в ходе своего визита в Анкару в ноябре 2009 г.³⁴ Однако надежды американских властей на скорейшее восстановление конструктивного диалога между двумя странами так и не оправдались: отношения недавних союзников продолжали ухудшаться.

Кульминацией стали трагические события, случившиеся весной 2010 г. в Средиземном море. В ночь с 30 на 31 мая у берегов Израиля произошло столкновение между израильским пограничным спецназом и активистами правозащитного пропалестинского движения «Свободная Газа» («Free Gaza Movement») и турецкого Фонда защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи (İnsan Hak ve Hürriyetleri ve İnsani Yardım Vakfı — ИНН, Humanitarian Relief Foundation)³⁵. Направлявшаяся в сектор Газа с гуманитарной помощью «Флотилия свободы» в 72 милях от берегов Израиля была остановлена десантным подразделением «13-я флотилия ВМС Израиля» («Шайетет-13»). Пассажиры на одном из кораблей «Mavi Marmara» оказали сопротивление, в результате столкновения погибли 9 и были ранены более 30 человек³⁶. Разразился громкий международный скандал.

Данный инцидент привел к свертыванию сотрудничества Турции и Израиля почти во всех областях [Arbell, 2014: 2]. Анкара отозвала своего посла из Тель-Авива и выдвинула весьма жесткие условия для примирения. В скором времени Турция вновь отсекла Израиль от участия в военно-воздушных учениях «Анатолийский орел», запланированных на июнь. Открытая конфронтация недавних союзников и партнеров США на Ближнем Востоке стремительно приобретала затяжной характер.

В конфликте Турции и Израиля администрация Б. Обамы предпочла занять максимально осторожную, нейтральную позицию. В заявлениях Госдепартамента трагические события

---

³⁴ U.S.-Turkey Relations. Remarks. Philip H. Gordon. Assistant Secretary, Bureau of European and Eurasian Affairs. Press Event at U.S. Embassy, Ankara. Ankara, Turkey. 12.11.2009 // U.S. Department of State. Available at: <https://2009-2017.state.gov/p/eur/rls/rm/2009/132649.htm> (accessed: 02.09.2018).

³⁵ Фонд защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи позиционирует себя как гуманитарная неправительственная организация, работающая на добровольных началах, но ей также приписывают связи с такими группировками, как «ХАМАС».

³⁶ См. подробнее: Migdalovitz C. Israel's blockade of Gaza, the Mavi Marmara incident, and its aftermath // Congressional Research Service. 23.06.2010. P. 2–3.

на «Mavi Marmara» представлялись как инцидент с участием только Израиля и были сведены к проблеме улучшения условий поставки гуманитарной помощи в сектор Газа³⁷. Однако сохранять полный нейтралитет Вашингтону все же не удавалось. Так, вице-президент США Дж. Байден открыто выражал поддержку израильской стороне, оправдывая ее действия тем, что «у Израиля есть полное право действовать в соответствии со своими интересами безопасности»³⁸.

В отличие от правительства, члены Конгресса были менее осторожны в своих высказываниях и действиях. Например, республиканец М. Пенс, конгрессмен от штата Индиана, осудив Анкару за инцидент с флотилией, рекомендовал турецким властям пересмотреть свою позицию по Израилю и другим странам в регионе. «Турции необходимо решить, отвечает ли ее нынешний курс ее долгосрочным интересам?» — задавался вопросом конгрессмен³⁹. 24 июня 2010 г. Сенат США одобрил резолюцию, объявившую пассажиров «Mavi Marmara» «экстремистами» и провозгласившую «неоспоримое право Израиля на самооборону»⁴⁰. Столь однозначная принципиальная позиция Конгресса в отношении Турции осложняла администрации Б. Обамы проведение более гибкой политики в данном вопросе.

* * *

Весьма серьезные сложности для американо-турецкого партнерства возникли и на иранском треке. Прорыва в решении ядерной проблемы Ирана Вашингтону в короткий срок добиться не удалось. В октябре 2009 г. Тегеран отверг предложение «Группы 5+1» и МАГАТЭ об обмене части своего низкообогащенного урана на ядерное топливо для реактора Тегеранского научно-исследовательского ядерного центра. К концу 2009 г. администрация

---

³⁷ Crowley P.J. Free Gaza Flotilla. Press Statement. 31.05.2010 // U.S. Department of State. Available at: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2010/05/142386.htm> (accessed: 30.08.2018).

³⁸ Biden: Israel has right to stop Gaza ships // FOXNEWS. 03.06.2010.

³⁹ Текст см.: Pence: Turkey needs to decide // Vote Smart. 10.06.2010. Available at: https://votesmart.org/public-statement/518377/pence-turkey-needs-to-decide#.XQBMYS_vUgo (accessed: 19.08.2018).

⁴⁰ S. Res. 548. To Express the Sense of the Senate that Israel Has Undeniable Right to Self-Defense, and to Confirm the Recent Destabilizing Actions by Extremists Aboard the Ship Mavi Marmara, 111th Congress. 24.06.2010 // GovInfo. Available at: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-111sres548ats/pdf/BILLS-111sres548ats.pdf> (accessed: 01.09.2018).

США начала закладывать основу для введения более жестких санкций против ИРИ, пытаясь консолидировать международное сообщество в случае занятия Тегераном конфронтационной позиции [Sims, 2010: 175–176].

Такой подход Вашингтона к решению иранского вопроса не устраивал Анкару, для которой Тегеран стал важным партнером в области торговли и энергетики. Новые ограничительные меры американцев неизбежно ударили бы по иранской экономике, что в свою очередь негативно отразилось бы и на деловых связях двух соседей. В условиях, когда введение санкций против Ирана становилось, по сути, делом времени, турецкие власти приняли решение активнее вовлечься в урегулирование вопроса об иранской ядерной программе. Такая возможность им выпала в ноябре 2009 г., когда генеральный директор МАГАТЭ М. аль-Барадеи предложил Ирану вывозить низкообогащенный уран в Турцию. Анкара дала свое согласие на участие в переговорах с Тегераном⁴¹, веря в возможность добиться от него необходимых уступок.

В Соединенных Штатах между тем усиление давления на Иран путем введения новых санкций посчитали наиболее эффективным методом воздействия. По словам прибывшего в ноябре 2009 г. в Турцию заместителя госсекретаря США по делам Европы и Евразии Ф. Гордона, американские власти рассчитывали, что Анкара будет помимо содействия решению «иранской ядерной проблемы» дипломатическим путем поддерживать продвигаемые американцами санкции. Он также скептически высказался по поводу того, что соглашение об обмене низкообогащенного урана убедит мировое сообщество в готовности иранского правительства отказаться от планов по созданию ядерного оружия⁴². В словах вашингтонского чиновника была достаточно четко отражена позиция американского руководства: какие-либо переговоры с Ираном и их результаты в администрации Б. Обамы на тот момент уже не собирались рассматривать всерьез.

Белый дом не оставлял попыток добиться от Турции ее полной поддержки нового пакета санкций против Ирана. Выступая

---

⁴¹ Еще одним участником переговоров с Ираном была Бразилия.

⁴² U.S.-Turkey Relations. Remarks. Philip H. Gordon. Assistant Secretary, Bureau of European and Eurasian Affairs. Press Event at U.S. Embassy, Ankara. 12.11.2009 // U.S. Department of State. Available at: <https://2009-2017.state.gov/p/eur/rls/rm/2009/132649.htm> (accessed: 28.07.2018).

17 марта 2010 г. в Институте Брукингса, Ф. Гордон достаточно позитивно отозвался о динамике американо-турецкого сотрудничества и роли Турции во внешней политике США, при этом призвав Анкару «присоединиться к широкой группе стран в Совете Безопасности ООН, стремящихся удержать Иран в рамках обязательств перед МАГАТЭ и СБ ООН»⁴³. Таким образом, руководство США давало понять, что по-прежнему не доверяет иранскому правительству.

Во время подготовки проекта резолюции для Совета Безопасности ООН, призванной ввести новый пакет санкций в отношении Ирана, США и страны «шестерки» получили неожиданные известия из ИРИ. 17 мая 2010 г. Турция, Бразилия и Иран подписали трехстороннее соглашение, по которому Тегеран соглашался передать Анкаре 1200 кг низкообогащенного (3,5%) урана в обмен на топливо для тегеранского реактора⁴⁴. Договоренности трех государств не вызвали одобрительной реакции со стороны США⁴⁵. В Белом доме сомневались в эффективности соглашения для решения «иранской ядерной проблемы»⁴⁶, поскольку были убеждены в том, что Иран, несмотря на достигнутую договоренность, вовсе не собирался отказываться от попыток завладеть ядерным оружием в будущем.

Неприятной новостью для администрации Б. Обамы стал не сам факт участия Анкары в переговорах с иранским руководством, а то, что Турция не пожелала согласовать с американской стороной условия договора и свои действия. США раскритиковали дипломатические старания турецкого и бразильского правительств, восприняв их как явное пренебрежение интересами участников шестисторонних переговоров с Ираном. Решение подписать документ без предварительного рассмотрения в МАГАТЭ в Вашингтоне также сочли неправильным. Однако

---

⁴³ The United States and Turkey: The view from the Obama administration. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 2010. P. 14.

⁴⁴ A copy of the Joint Declaration signed by Iran, Turkey and Brazil on 17 May 2010 // Federation of American Scientists. Available at: <https://fas.org/nuke/guide/iran/joint-decl.pdf> (accessed: 25.09.2018).

⁴⁵ Podesta J. The Unique Importance of the Turkish-American Relationship. 19.10.2010 // Center for American Progress. Available at: <https://www.americanprogress.org/issues/security/news/2010/10/19/8562/the-unique-importance-of-the-turkish-american-relationship/> (accessed: 19.08.2018).

⁴⁶ Press Briefing by Press Secretary Robert Gibbs // The White House. President Barack Obama. 17.05.2010. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/press-briefing-press-secretary-robert-gibbs-5172010> (accessed: 25.09.2018).

стоит отметить, что именно эта организация предложила Турции и Бразилии провести соответствующие переговоры. Встреча Б. Обамы с Р.Т. Эрдоганом на саммите по ядерной безопасности в Вашингтоне в апреле 2010 г. также подтверждала то, что в американском руководстве знали о продолжавшемся с осени 2009 г. переговорном процессе.

Анкара не оставила без ответа критику своих дипломатических усилий. Посол Турции в США Н. Тан назвал трехстороннее соглашение «мерой по созданию атмосферы доверия», заявив, что остался разочарован реакцией американской администрации. Тем самым он выразил настроение турецкого правительства⁴⁷. Кроме того, посол раскритиковал позицию США и их желание выбрать на иранском направлении стратегию принуждения. «Мы [турки. — А.А.] не верим в санкции. <...> Они не работают», — заявлял Н. Тан⁴⁸. В Соединенных Штатах его слова предпочли проигнорировать.

В начале лета 2010 г. правительству Турции, на тот момент имевшей статус непостоянного члена СБ ООН, предстояло сделать выбор: отвергнуть или поддержать санкции против Ирана. 9 июня Турция проголосовала против проекта резолюции СБ ООН № 1929⁴⁹, как и Бразилия. Это, конечно, не помешало введению нового пакета ограничительных мер, однако сделанный Анкарой выбор имел далеко идущие последствия для американо-турецкого партнерства.

* * *

Ухудшение отношений с Турцией (или их полный разрыв) из-за разногласий по израильскому и иранскому вопросам не отвечало политическим и геостратегическим интересам Вашингтона. На полях саммита «Группы двадцати», состоявшегося 26–27 июня 2010 г. в Торонто, Б. Обама встретился с Р.Т. Эрдоганом. Раскритиковав Турцию за то, что она в ходе голосования в СБ ООН «поступила не так, как подобает союзнику США»⁵⁰,

---

⁴⁷ Sanger D.E., Slackman M. U.S. is skeptical on Iranian deal for nuclear fuel // The New York Times. 17.05.2010.

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Resolution S/RES/1929 (2010). Security Council. 09.06.2010 // United Nations. Available at: https://www.iaea.org/sites/default/files/unsc_res1929-2010.pdf (accessed: 25.09.2018).

⁵⁰ Obama warns Erdogan international Gaza flotilla probe bad for Turkey // Haaretz. 03.07.2010.

американский лидер потребовал от своего визави смены позиции по Ирану, грозя в случае отказа прекратить поставки американских вооружений⁵¹.

В то же время Б. Обама попытался убедить турецкого премьер-министра улучшить отношения с Тель-Авивом, предложив со своей стороны приложить необходимые усилия для их нормализации. Слово свое он сдержал. В начале июля в Брюсселе состоялась тайная встреча турецкого министра иностранных дел А. Давутоглу и израильского министра промышленности, торговли и занятости Б. Бен-Элиэзера, нацеленная на поиск путей примирения⁵², на которой присутствовал также посол США в Турции Дж. Джеффри. Официально сообщалось о том, что американский дипломат не участвовал в переговорах. В интервью газете «Sabah» он заявил, что США не занимались посредничеством, а лишь поддерживали страны в их попытках разрешить имеющиеся спорные вопросы⁵³. Несмотря на это, переговоры прошли безрезультатно — стороны не помирились⁵⁴.

В Белом доме и Госдепартаменте принципиальная позиция Турции по израильскому и иранскому вопросам не воспринималась как серьезная причина для ее отдаления от Запада. На следующий день после беседы глав двух государств в Торонто заместитель госсекретаря США по делам Европы и Евразии Ф. Гордон заявил: в Вашингтоне верят в то, что «Турция по-прежнему сохраняет приверженность НАТО, Европе и Соединенным Штатам, но ей необходимо это продемонстрировать»⁵⁵. Обосновал он свои слова тем, что внешнеполитическая ориентация Анкары и ее партнерство с Западом были поставлены под сомнение в американском обществе⁵⁶. И он был прав.

Через кризисных ситуаций с участием Турции породила в американских политических и научных кругах немало споров о надежности Анкары как партнера и союзника. Стали выдвигаться разные версии о причинах смены вектора турецкой внешней политики. Наиболее обсуждаемой из них стала кон-

---

⁵¹ Dombey D. U.S. warns Turkey on Iran and Israel // Financial Times. 15.08.2010.

⁵² Israel and Turkey hold secret talks // Financial Times. 01.07.2010.

⁵³ Arabulucu değiliz // Sabah. 02.07.2010.

⁵⁴ Официальное перемирие между странами произошло в марте 2013 г. по личной инициативе Б. Обамы.

⁵⁵ Desmond B. United States presses Turkey to improve relations with West // Associated Press. 26.04.2010.

⁵⁶ Ibidem.

цепция «смещении оси» (axis shift)⁵⁷, получившая популярность в США еще в 2000-е годы. В общих чертах суть ее сводилась к тому, что внутренняя и внешняя политика современной Турецкой Республики — это результат изменений, инициированных ПСР с целью «развернуть» Турцию на Восток. Летом 2010 г. идея получила новый импульс для развития. «Израильский» и «иранский» кризисы явно выбивались из первоначального представления демократов об «образцовом партнерстве» — тесном сотрудничестве с прозападной Турцией. О том, что делать в сложившейся ситуации с недавним «образцовым» партнером и союзником, говорили и на специальных слушаниях в Комитете по иностранным делам Палаты представителей США, состоявшихся 28 июля 2010 г. Их участники сформулировали немало конкретных претензий к Анкаре: критика Израиля, поддержка движения «ХАМАС», непризнание событий 1915 г. как геноцида армян, препятствование решению кипрского вопроса, отсутствие в стране свободы слова и печати, а также затягивание с возобновлением работы Духовной семинарии на Халки⁵⁸. Директор программы по изучению Турции в Вашингтонском институте ближневосточных исследований С. Чагаптай даже озвучил мнение, что ПСР руководствуется не исламом, а исламизмом и что премьер-министр Р.Т. Эрдоган и его правительство предпочли встать на сторону исламистов, а не Запада⁵⁹. Неожиданно «исламская идентичность», которую президент Б. Обама с трибуны турецкого парламента называл важной чертой современной демократической Турции, теперь преподносилась как серьезная помеха для сотрудничества с этой страной.

Турецкое общество и правительство были уязвлены подходом американцев к оценке дипломатических усилий Анкары и ее действий на региональной арене в целом. В турецких политических и академических кругах считали сомнения в верности страны своим обязательствам перед западными партнерами и

---

⁵⁷ Например: Werz M. The new Levant. Understanding Turkey's shifting roles in the Eastern Mediterranean. Washington, D.C.: Center for American Progress, 2010.

⁵⁸ Халкинская богословская школа была религиозным учебным заведением, в котором обучали и готовили представителей духовенства для Константинопольского патриархата. В 1971 г. семинария была закрыта по решению Конституционного суда Турции.

⁵⁹ U.S. Congress. Turkey's New Foreign Policy Direction: Implications for U.S.-Turkish Relations. Hearing Before the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. Serial No. 111–113. P. 39 // U.S. Government Publishing Office. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-111hhrg57688/html/CHRG-111hhrg57688.htm> (accessed: 25.09.2018).

союзниками несправедливыми и необоснованными. Исследователь К. Устюн (Колумбийский университет, США) счел решение Турецкой Республики проголосовать против введения санкций в отношении Ирана в условиях международной критики в ее адрес важной вехой в эволюции ее внешнеполитической деятельности. Турции было важно поддержать сделку по обмену ядерными материалами — так она сумела бы сохранить доверие к себе и продемонстрировать международному сообществу, что серьезно относится к дипломатии как способу урегулировать иранский ядерный вопрос [Üstün, 2010: 26]. Рассуждая на эту же тему, генеральный директор турецкого Фонда политических, экономических и социальных исследований (Siyaset, Ekonomi ve Toplum Araştırmaları Vakfı, SETA) Т. Озхан пришел к выводу, что современная Турция начала адаптироваться к условиям многополярного и постамериканского мира. По мнению эксперта, с этой целью страна принялась избавляться от своей «западно-центричной и евроцентричной запрограммированности», а ее отказ одобрить санкции Совета Безопасности ООН в отношении Ирана это лишь подтвердил [Özhan, 2010: 18]. К похожему выводу пришел и посол Турции в США Н. Тан. Дипломат задавался вопросом: если произошло «смещение оси», то чем можно объяснить присутствие турецких войск в Афганистане? По его мнению, рассматривать активную многовекторную внешнюю политику как признак «смещения оси» не только ошибочно, но и несправедливо в свете искренних усилий Турции по обеспечению мира и стабильности, расширению торговли, укреплению взаимозависимости и мирному урегулированию конфликтов [Tan, 2010: 16–17].

В поисках ответа на вопрос, остается ли Турецкая Республика союзником и партнером США, в свою очередь американское политическое и академическое сообщество разделилось на два лагеря. К первому и более многочисленному относились те, кто считал, что Турция уже «потеряна» для западного мира⁶⁰, и винил в этом ПСР. Ярким примером может служить случай, связанный с турецким министром иностранных дел А. Давутоглу. Накануне его визита в Вашингтон председатель подкомитета по Ближнему Востоку и Южной Азии Комитета по иностранным делам Палаты представителей США демократ от штата Нью-Йорк Г. Акерман направил директору Международного исследователь-

---

⁶⁰ Например: Ülgen S. In search of lost time: Turkey-U.S. Relations after Bush. US-Europe analysis series. Washington, D.C.: Brookings Institution, 2009.

ского центра имени Вудро Вильсона Л. Гамильтону письмо, в котором настоятельно рекомендовал лишить главу турецкого МИД высокой награды, ежегодно вручаемой исследовательским центром выдающимся личностям за заслуги в государственной службе, на том основании, что внешняя политика Турции под руководством А. Давутоглу стала воплощением «беззакония, безответственности и лицемерия»⁶¹.

В случившихся в первые два года правления Б. Обамы кризисах Белый дом обвинял не только руководителей ПСР, но и предыдущую администрацию во главе с Дж. Бушем-мл. Министр обороны США Р. Гейтс пошел еще дальше. Сразу после голосования в Совете Безопасности ООН по проекту резолюции о введении санкций в отношении Ирана он заявил, что европейские страны, в первую очередь Германия и Франция, способствовали дистанцированию Анкары от Запада. По мнению Р. Гейтса, своим отказом принять Турцию в состав ЕС они подтолкнули ее к сближению с Ираном и отдалили от Израиля⁶². Однако поиски виновного в сложившейся ситуации не давали демократам четких ответов на вопрос о том, как им «вернуть» Турцию.

Ко второму лагерю в американском истеблишменте можно отнести тех, кто полагал, что делать выводы о «смещении оси» и «потере» Турции для Запада преждевременно⁶³. В их числе был старший научный сотрудник Центра изучения безопасности и разведывательной деятельности в XXI веке Института Брукинга О. Ташпынар, чья оценка нам представляется наиболее взвешенной. По его мнению, в современной Турецкой Республике наблюдалось торжество «турецкой славы и величия». Поведение Турции на международной арене определяла вовсе не ее исламская идентичность, а гораздо более националистическая, независимая, самодостаточная и дерзкая стратегическая ориентация. О. Ташпынар характеризовал поведение Анкары как «турецкий голлизм», проводя аналогию с внешней политикой Франции в 1960-е годы [Taşınar, 2011].

В американском правительстве также помнили о том, что помимо «израильского» и «иранского» оставались другие реги-

---

⁶¹ Цит. по: Rogin J. Wilson Center honors Turkish foreign minister with 'Public Service Award' // Foreign Policy. 16.06.2010. Available at: <https://foreignpolicy.com/2010/06/16/wilson-center-honors-turkish-foreign-minister-with-public-service-award/?hidecomments=yes> (accessed: 27.07.2018).

⁶² U.S. Defence Secretary Gates blames EU for Turkey 'drift' // BBC. 09.06.2010.

⁶³ Например: Ülgen S. A place in the sun or fifteen minutes of fame? // Carnegie Papers. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2010.

ональные вопросы и области сотрудничества, где у двух стран имелись схожие взгляды и точки соприкосновения. Уже в июле 2010 г. Б. Обама объявил о необходимости «продолжать взаимодействие с Анкарой и указать ей на преимущества интеграции с Западом, при этом действуя не из страха, а из уважения к особой природе Турции как великой мусульманской демократии»⁶⁴. По мнению Ф.С. Лэрреби, руководителя отдела европейской безопасности «Корпорации РЭНД», американские политики отныне имели дело с «новой Турцией» — политически более уверенной в себе и более склонной отстаивать свои национальные интересы [Larrabee, 2011: 4].

Во второй половине лета 2010 г. наблюдалось оживление политического диалога США и Турции. Стороны старались пояснить друг другу свои подходы к вопросам, вызвавшим у них разногласия. Анкара особенно была заинтересована в донесении своей позиции до американского истеблишмента и укреплении своего авторитета. С этой целью в августе 2010 г. в Вашингтон прибыла делегация МИД Турции во главе с советником министра иностранных дел Ф. Синирлиоглу. Ее представители озвучили готовность турецкого правительства наладить отношения с Тель-Авивом и сохранить дистанцию в общении с Тегераном. Американские политики и дипломаты получили заверения в том, что Анкара выступает против новой вооруженной эскалации и усиления политического напряжения в регионе. Это позволяло вернуть диалог с турецким правительством в нужное для демократов русло [Kanat, 2015: 14], хотя взаимное недовольство в отношениях сохранялось, чему способствовала также явно антитурецкая позиция Конгресса.

* * *

Осенью 2010 г. негласная политическая борьба Турции и США за продвижение своих интересов продолжилась с новой силой. На фоне продолжавшейся турецко-израильской конфронтации Белый дом опять попытался воздействовать на Анкару: в начале сентября США в очередной раз отказались от участия в учениях «Анатолийский орел»⁶⁵, однако это так и не заставило правительство Турции пойти на примирение с Израилем.

---

⁶⁴ Цит. по: Migdalovitz C. Turkey: Selected foreign policy issues and U.S. views // Congressional Research Service. 28.11.2010. P. 46.

⁶⁵ US will not take part in Turkey's October military drills // Hurriyet Daily News. 01.09.2010.

Последующие события вызвали у американцев большее беспокойство, нежели ссора Анкары с Тель-Авивом. Турция начала активно выстраивать связи с Китаем. В период с 20 сентября по 4 октября 2010 г. на турецкой авиабазе в городе Конье впервые прошли совместные учения ВВС двух государств⁶⁶. Затем последовали взаимные визиты премьер-министра КНР В. Цзябао в Турцию и министра иностранных дел А. Давутоглу в Китай. Было объявлено о планах выведения турецко-китайских отношений на уровень стратегического партнерства и создания механизма по совместной борьбе с терроризмом и радикализмом. Очевидный поворот «на Восток» и интенсификация связей с Пекином не только отвечали национальным интересам Турции, но и служили дополнительным фактором воздействия на Соединенные Штаты.

Политика усиления давления на Анкару грозила еще большим отдалением Турции от Запада, поэтому США требовалось найти способы побудить турецкие власти к более конструктивному диалогу. Осенью 2010 г. новый импульс для развития получило американо-турецкое деловое партнерство. 19 октября состоялась первая встреча участников «Рамочной программы стратегического экономического и торгового сотрудничества». Представители американских деловых кругов активно вовлекали турецких бизнесменов в совместные проекты и инициативы. «Турция является приоритетным рынком для товаров и услуг США и может сыграть ключевую роль в росте объемов товарооборота и в достижении цели президента Б. Обамы — удвоить экспорт в ближайшие пять лет», — заявлял министр торговли США Г. Локк⁶⁷. Результатом октябрьской встречи стали договоренности о создании рабочих групп для продвижения совместных инициатив в энергетической сфере, торговле, инвестициях, науке и сельском хозяйстве и о расширении связей частных компаний США и Турции. Партнеры договорились о начале работы Американо-турецкого делового совета для подготовки рекомендаций, касающихся развития двусторонних экономических отношений.

Новые значимые успехи были достигнуты и в военно-стратегической области. В сентябре 2010 г. председатель Объединенного

---

⁶⁶ Cohen A. The Anatolian eagle is looking eastward // The Daily Signal. 15.10.2010.

⁶⁷ Obama Trade Officials, Turkish Counterparts Announce New Initiatives to Strengthen U.S.-Turkey Commercial Relations. 19.10.2010 // Office of the United States Trade Representative. Available at: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2010/october/obama-trade-officials-turkish-counterparts-announce> (accessed: 01.08.2018).

комитета начальников штабов ВС США адмирал М. Маллен провел в Анкаре переговоры с турецким военным командованием и политическим руководством. Турции было дано обещание не использовать ее территорию для вывода американских войск из Ирака и продолжить совместную борьбу с РПК. Адмирал также призвал Анкару сохранить присутствие в Кабуле и его окрестностях и после того, как в октябре истечет официальный срок ее руководства Столичным региональным командованием (Regional Command Capital)⁶⁸. Стороны обсудили и проблему создания позиционного района противоракетной обороны (ПРО) в Европе, которая должна была стать центральной темой запланированного на ноябрь саммита НАТО⁶⁹.

Участники Североатлантического альянса уже не первый месяц планировали разместить на территории Турецкой Республики объекты стратегического назначения. В октябре газета «The Wall Street Journal» писала, что для Турции наступал очередной момент истины: либо поддержать этот план, продвигаемый США, и тем самым продемонстрировать свою прозападную ориентацию, либо отказаться от участия в его реализации и продолжить «обхаживание» Ирана⁷⁰. Свою позицию Анкара не афишировала вплоть до ноябрьского саммита НАТО в Лиссабоне, на котором была принята новая стратегическая концепция Североатлантического альянса⁷¹. Решение об установке радара раннего предупреждения о ракетном нападении принималось для защиты всех членов блока от потенциально опасных действий Тегерана. Турция поддержала новую инициативу альянса, но озвучила свое условие: не указывать какую-либо конкретную страну в качестве источника угрозы [Kibaroglu, 2011: 7; Çakmak, Güneysu, 2013: 198; Oğuzlu, 2013: 218], таким образом дав понять, что желает сохранить свои отношения как с Ираном, так и с

---

⁶⁸ Столичное региональное командование (Regional Command Capital — Kabul) — военное подразделение Международных сил содействия безопасности в Афганистане со штаб-квартирой в Кабуле.

⁶⁹ См.: Kardaş Ş. Admiral Mullen discusses critical military engagement in Turkey. 08.09.2010 // The Jamestown Foundation. Available at: <https://jamestown.org/program/admiral-mullen-discusses-critical-military-engagement-in-turkey/> (accessed: 01.09.2018).

⁷⁰ Champion M. Turkey in dilemma over NATO Shield // The Wall Street Journal. 27.10.2010.

⁷¹ Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation adopted by Heads of State and Government in Lisbon. 19.11.2010 // NATO. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68580.htm (accessed: 19.08.2018).

союзниками по НАТО. Однако Анкара выдвигала и другие требования, в частности, о том, чтобы затраты на проект делились поровну между участниками блока, а доступ к разведанным, собранным на объектах в Турции, был закрыт для Израиля [Oğuzlu, 2012: 158–159]. Союзники по НАТО пошли ей на уступки в этих вопросах.

Тем не менее в скором времени по репутации Турции был нанесен весьма чувствительный удар. В конце ноября 2010 г. на портале «WikiLeaks» были опубликованы секретные материалы сотрудников Госдепартамента США, из них 8000 файлов были посвящены Турции. В них американские дипломаты давали весьма нелицеприятные характеристики ключевым фигурам турецкого истеблишмента, обвиняя руководителей правящей партии в коррупции и исламизме. Портал обнародовал якобы достоверные сведения о состоянии ведущих турецких политиков, в частности премьер-министра Р.Т. Эрдогана, и его счетах в швейцарских банках. В документах содержались и довольно критические оценки внешней политики ПСР и деятельности главы турецкого МИД А. Давутоглу. Анкара обвинялась в ведении «двойной игры» и выстраивании отношений одновременно с Ираном и Европейским союзом⁷².

Реакция турецкого руководства не заставила себя ждать. Премьер-министр Турции расценил слова американских чиновников как распространение «клеветы» и пригрозил подать в суд. При этом он заявил, что серьезность сайта «WikiLeaks» всегда вызывала большие сомнения⁷³. Министр иностранных дел Турции А. Давутоглу направился в Вашингтон на встречу с госсекретарем Х. Клинтон. В Вашингтоне турецкое руководство заверили в приверженности многолетнему партнерству двух стран. На совместной пресс-конференции Х. Клинтон заявила, что публикация документов нанесла удар не только по США, но и по мировому сообществу в целом, но не стала опровергать или подтверждать разглашенную информацию⁷⁴. В свою очередь пресс-секретарь Белого дома Р. Гиббс объявил, что организация «WikiLeaks», опубликовавшая конфиденциальные документы, и те, кто допустил утечку информации, совершили «преступление», а всю ситуацию охарактеризовал как нарушение закона.

---

⁷² Wikileaks merakla beklenen belgeleri yayınladı // Hürriyet. 01.12.2010.

⁷³ Erdoğan, için bekleyecek // Takvim. 29.11.2010.

⁷⁴ Taniş T. Clinton özür diledi // Hürriyet. 30.11.2010.

Тем временем Б. Обама призвал ужесточить меры по проверке конфиденциальной информации⁷⁵. Только в декабре 2010 г. пресс-служба Белого дома официально сообщила о том, что в ходе телефонного разговора с турецким премьер-министром американский президент «выразил сожаление в связи с прискорбными действиями “WikiLeaks”»⁷⁶. Конфликт на этом, как считали в Вашингтоне, должен был быть исчерпан.

Таким образом, 2010 год стал годом проверки «образцового партнерства» США и Турции на прочность. Внешние факторы — «израильский» и «иранский» кризисы — оказали серьезное негативное воздействие на американо-турецкие отношения. Однако стороны доказали, что их партнерство имеет достаточно прочную основу, которую несовпадение интересов в отдельных вопросах не может одномоментно разрушить. Вместе с тем, оглядываясь назад, нетрудно заметить, что первые два года президентства Б. Обамы были чуть ли не наиболее спокойным периодом в развитии американо-турецкого партнерства за многие годы. Впереди США и Турцию ожидала новая фаза турбулентности, связанная с «Арабским пробуждением».

* * *

Администрация Б. Обама с большим энтузиазмом приступила в 2009 г. к реализации идеи «образцового партнерства» с Турецкой Республикой. Полагая, что именно политика Дж. Буша-мл. препятствовала сближению Анкары с Вашингтоном и западным миром, демократы во главе с новым президентом надеялись завоевать доверие турецкого правительства и турецкого народа и восстановить дух партнерства и союзничества. Однако уже в первые два года администрация Б. Обамы столкнулась с новой реальностью: турецкая политика Вашингтона не смогла долго продержаться на «жестах доброй воли» в сторону Анкары и позитивной риторике.

В годы правления ПСР Турция успела встать на путь проведения самостоятельной и активной внешней политики и отличалась от того образа, который первоначально рисовали демократы. Страна активно взаимодействовала не только с США и западным миром, но и со многими другими участни-

---

⁷⁵ Clinton'dan Davutoğlu'na 'WikiLeaks' şzrü // CNNTurk. 29.11.2010.

⁷⁶ Obama affirms diplomatic engagement based on 'trust and candour' // The Guardian. 14.12.2010.

ками международных отношений. Важно и другое: у Турецкой Республики в рассматриваемый период не было веских причин для слепого следования в кильватере политики США. Главная угроза ее национальной безопасности и территориальной целостности, источником которой она считала курдский сепаратизм, в тот период отошла на второй план.

Более уверенная и основанная на четком осознании своих национальных интересов деятельность Турции на международной арене создавала условия для возникновения разногласий с Вашингтоном. Американское же правительство не смогло вовремя и адекватно оценить все глубинные перемены, произошедшие во внутренней и внешней политике Анкары за первое десятилетие XXI в. Напротив, оно чаще всего демонстрировало нежелание учитывать мнение своего ключевого союзника на Ближнем Востоке, рискуя в определенный момент столкнуться с еще более жестким противодействием с его стороны.

В результате «образцовое партнерство» так и осталось всего лишь яркой метафорой для обрамления американо-турецких отношений. Однако несмотря на острые разногласия в вопросах региональной политики и кризисные ситуации с участием других акторов, США и Турция даже в самые критические периоды так или иначе приходили к общему знаменателю в вопросах обеспечения обороны и безопасности, что продемонстрировало согласие Турции на размещение элемента системы ПРО на ее территории на Лиссабонском саммите НАТО в 2010 г. Сегодня взаимозависимость двух стран в военно-стратегической области остается прочной основой их партнерства, пусть уже и не «образцового».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Свистунова И.А. Ближневосточный вектор турецко-американских отношений // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 5 (26). С. 56–73.
2. Свистунова И.А. В поисках новой модели: отношения Турции и США в сфере безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2 (47). С. 53–61.
3. Смольняк И.В. Турция в либеральных конструкциях США в начале XXI в. // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 11. С. 116–129.
4. Шлыков П.В. Ближневосточная дилемма безопасности Турции: от сотрудничества с Западом в борьбе с терроризмом к опоре на джихадистов в региональной политике // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 4. С. 35–65.

5. Abramowitz M., Edelman E.S. From rhetoric to reality: Reframing U.S.-Turkey policy // Foreign Policy Project. Washington, D.C.: Bipartisan Policy Center, 2013.

6. Arbell D. The US-Turkey-Israel triangle // Center for Middle East Policy. Analysis Paper. No. 34. October. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2014.

7. Arı T. Yükselen güç. Türkiye-ABD ilişkileri ve Orta Doğu. Bursa: Marmara Kitap Merkezi, 2010.

8. Aslan A. The foreign policy-hegemony nexus: Turkey's search for a 'new' subjectivity in world politics and its implications for US-Turkish relations // Perceptions. 2012. Vol. 27. No. 4. P. 159–184.

9. Balcı A. Türkiye dış politikası. Ülkeler, aktörler, uygulamalar. İstanbul: Etkileşim, 2013.

10. Barkey H.J. Turkey's new engagement in Iraq. Embracing Iraqi Kurdistan. Special Report. No. 237. Washington, D.C.: United States Institute of Peace, 2010.

11. Bengür O. Turkey's image and the Armenian question // Turkish Policy Quarterly. 2009. Vol. 8. No. 1. P. 43–48.

12. Boyer S.P., Katulis B. The neglected alliance. Restoring U.S.-Turkish relations to meet 21st century challenges. December. Washington, D.C.: Center for American Progress, 2008.

13. Çakmak C., Güneysu G. Turkish-American relations during Obama era: Unfulfilled expectations // Turkish Studies. 2013. Vol. 14. No. 2. P. 193–211.

14. Danforth N. Ideology and pragmatism in Turkish foreign policy: From Atatürk to the AKP // Turkish Policy Quarterly. 2008. Vol. 7. No. 3. P. 83–95.

15. Gordon P.H., Taşpınar Ö., Özel S. Winning Turkey. How America, Europe, and Turkey can revive a fading partnership. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2008.

16. Gözen R. Turkish-American relations in 2009 // Perceptions. 2010. Vol. 25. No. 3–4. P. 49–77.

17. Han A.K. From strategic partnership to model partnership: AKP, Turkish-US relations and the prospects under Obama // UNISCI Discussion Papers. 2010. No. 23. P. 77–112.

18. Kalın I. US-Turkish relations under Obama: Promise, challenge and opportunity in the 21st century // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2010. Vol. 12. No. 1. P. 93–108.

19. Kanat K.B. Turkey and the U.S.: The longest two years of the relations. June. No. 16. Washington, D.C.: SETA, 2015.

20. Kardaş Ş. Turkish-American relations in the 2000s: Revisiting the basic parameters of partnership? // Perceptions. 2011. Vol. 26. No. 3. P. 25–52.

21. Kibaroğlu M. Turkey, NATO and nuclear sharing: Prospects after NATO's Lisbon summit. Nuclear policy paper. April. No. 5. Arms Control Association/ British-American Security Information Council/Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg, 2011.

22. Kramer H. AKP's new foreign policy between vision and pragmatism. Working Paper. FG 2. June. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2010.

23. Larrabee F.S. The 'New Turkey' and American-Turkish relations // Insight Turkey. 2011. Vol. 13. No. 1. P. 1–9.

24. Larrabee F.S. Troubled partnership: US-Turkish relations in an era of global geopolitical change. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2010.

25. Larrabee F.S. Turkey's new geopolitics // *Survival*. 2010. Vol. 52. No. 2. P. 157–180.
26. Murinson A. The Strategic Depth Doctrine of Turkish foreign policy // *Middle Eastern Studies*. 2006. Vol. 42. No. 6. P. 945–964.
27. Oğuzlu T. Testing the strength of the Turkish-American strategic relationship through NATO: Convergence or divergence within the alliance? // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2013. Vol. 15. No. 2. P. 207–222.
28. Oğuzlu T. Turkey's eroding commitment to NATO: From identity to interests // *The Washington Quarterly*. 2012. Vol. 35. No. 3. P. 153–164.
29. Özhan T. Turkey, Israel and the US in the wake of the Gaza flotilla crisis // *Insight Turkey*. 2010. Vol. 12. No. 3. P. 7–18.
30. Parris M.R. Common values and common interests? The Bush legacy in U.S.-Turkish relations // *Insight Turkey*. 2008. Vol. 10. No. 4. P. 5–14.
31. Sims J. Turkey's maturing foreign policy: A view from the USA // *Bilge Strateji*. 2010. Cilt 2. Sayı 2. Bahar. S. 169–200.
32. Stein A. Resetting U.S.-Turkish relations: Charting a new way forward // *Journal of Strategic Security*. 2011. Vol. 4. No. 1. P. 1–18.
33. Tan N. Turkish-U.S. strategic partnership // *Turkish Policy Quarterly*. 2010. Vol. 9. No. 3. P. 13–21.
34. Taşpınar Ö. Obama's Turkey policy: Bringing credibility to 'strategic partnership' // *Insight Turkey*. 2009. Vol. 11. No. 1. P. 13–21.
35. Taşpınar Ö. The rise of Turkish Gaullism: Getting Turkish-American relations right // *Insight Turkey*. 2011. Vol. 13. No. 1. P. 11–17.
36. Tersch E. von. Developing a strategic partnership with Turkey. U.S. Army War College Strategy Research Project. Carlisle, PA: U.S. Army War College, 2009.
37. Türkmen F. Kırılğan İttifaktan 'Model Ortaklığa'. Türkiye-ABD ilişkileri. İstanbul: Timaş Yayınları, 2012.
38. Türkmen F. Turkish-American relations: A challenging transition // *Turkish Studies*. 2009. Vol. 10. No. 1. P. 109–129.
39. Üstün K. Turkey's Iran policy: Between diplomacy and sanctions // *Insight Turkey*. 2010. Vol. 12. No. 3. P. 19–26.
40. Walker J.W. The United States and Turkey: Can they agree to disagree? Crown Center for Middle East Studies. November. No. 46. Waltham, Massachusetts: Brandeis University, 2010.
41. Wexler R. United States and Turkey: Allies at odds? // *Insight Turkey*. 2010. Vol. 12. No. 4. P. 9–14.
42. Williams P.A. Barack Obama and the 'model partnership'? // *America's challenges in the Greater Middle East: The Obama Administration's policies* / Ed. by Sh. Akbarzadeh. New York: Palgrave Macmillan, 2011. P. 246–254.
43. Yılmaz N. Stratejik Ortaklıktan Model Ortaklığa: Türkiye'nin Bağımsız Dış Politikasının Etkileri // *Türk Dış Politikası Yıllığı 2010*. SETA Yayınları. Ankara: SETAV, 2011. S. 551–577.
44. Yılmaz N. U.S.-Turkey relations: Model partnership as an 'empty signifier' // *Insight Turkey*. 2011. Vol. 13. No. 1. P. 19–25.

A.I. Aliyeva

**THE U.S.-TURKEY ‘MODEL PARTNERSHIP’:
TESTING THE LIMITS (2009–2010)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The United States and Turkey have been bound by strong ties of strategic partnership for decades since the dawn of the Cold War. However, the relationship between two NATO allies have become quite strained over the recent years. The root causes of the current contradictions between Ankara and Washington manifested themselves clearly at the beginning of the Obama presidency. This paper examines the reasons behind and the nature of the difficulties that the U.S. and Turkey would confront in 2009–2010 while trying to implement the concept of ‘model partnership’ introduced by the Democratic administration. In particular, it assesses the extent to which the transformation of the Turkish foreign policy strategy modified the logic of its interaction with Washington and reinforced Ankara’s desire to have its national interests recognized and respected by the United States. The differences between the U.S. and Turkish positions are illustrated with the examples of their contradictions about interaction with Israel and Iran. The author demonstrates that various methods of persuasion and coercion practiced by the Obama administration were not necessarily effective and their use led to a deterioration of situation on several occasions. The author also provides a detailed overview of the debates on the prospects of the bilateral cooperation and the foreign policy identity of modern Turkey that took place in the U.S. political and academic circles at that time. The paper also determines the main factors behind a rapprochement of two countries following a temporary estrangement. The conclusion is drawn that a further escalation of tensions was prevented mainly because security factor played a predominant role. The U.S.-Turkish military-strategic cooperation within NATO remained — regardless of divergences on several regional issues and political scandals — the cornerstone of the bilateral relationship. The U.S.-Turkish partnership, though not a model one, passed an endurance test only to face even more complex challenges related to a destabilization of a broader region in the wake of the Arab Awakening.

Keywords: United States, Turkey, U.S.-Turkey relations, ‘model partnership’, Barack Obama, Turkish-Israeli relations, Iranian nuclear program, NATO, Middle East, Justice and Development Party.

About the author: *Altunay I. Aliyeva* — Junior Research Fellow, Expert at the Center for Security and Development Studies, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: altunay.i.aliyeva@gmail.com).

REFERENCES

1. Svistunova I.A. 2014. Blizhnevostochniy vector turetsko-amerikanskikh otnosheniy [Middle Eastern vector of the Turkish-American relations]. *Problemy natsional'noy strategiyi*, no. 5 (26), pp. 56–73. (In Russ.)
2. Svistunova I.A. 2016. V poiskakh novoy modeli: otnosheniya Turtsii i SShA v sfere bezopasnosti [The security aspect of Turkey-United States relations: In search for a new model]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 2 (47), pp. 53–61. (In Russ.)
3. Smol'nyak I.V. 2017. Turtsiya v liberal'nykh konstrukttsiyakh SShA v nachale 21 veka [Turkey in the liberal structures of the USA in the early XXI century]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 11, pp. 116–129. (In Russ.)
4. Shlykov P.V. 2017. Blizhnevostochnaya dilemma bezopasnosti Turtsii: ot sotrudnichestva s Zapadom v bor'be s terrorizmom k opore na dzhyhadistov v regional'noy politike [Turkey's Middle East security dilemma: From cooperation with the West in the fight against terrorism to the reliance on jihadists in regional politics]. *Aktual'nyye problemy Yevropy*, no. 4, pp. 35–65. (In Russ.)
5. Abramowitz M., Edelman E.S. 2013. *From rhetoric to reality: Reframing U.S.-Turkey policy*. Foreign Policy Project. October. Washington, D.C., Bipartisan Policy Center.
6. Arbell D. 2014. *The US-Turkey-Israel triangle*. Center for Middle East Policy. Analysis Paper, no. 34. October. Washington, D.C., Brookings Institution Press.
7. Arı T. 2010. *Yurkselen guch. Turkiye-ABD ilishkileri ve Orta Dogu* [Rising power. Turkey-US relations and the Middle East]. Bursa, Marmara Kitap Merkezi. (In Turkish.)
8. Aslan A. 2012. The foreign policy-hegemony nexus: Turkey's search for a 'new' subjectivity in world politics and its implications for US-Turkish relations. *Perceptions*, vol. 27, no. 4, pp. 159–184.
9. Balcı A. 2013. *Turkiye dysh politikasy. Ulkeler, aktorler, uygulamalar* [Turkey's foreign policy. Countries, actors, practices]. İstanbul, Etkileşim. (In Turkish.)
10. Barkey H.J. 2010. *Turkey's new engagement in Iraq. Embracing Iraqi Kurdistan*. Special Report, no. 237. Washington, D.C., United States Institute of Peace.
11. Bengür O. 2009. Turkey's image and the Armenian question. *Turkish Policy Quarterly*, vol. 8, no. 1, pp. 43–48.
12. Boyer S.P., Katulis B. 2008. *The neglected alliance. Restoring U.S.-Turkish relations to meet 21st century challenges*. December. Washington, D.C., Center for American Progress.
13. Çakmak C., Güneysu G. 2013. Turkish-American relations during Obama era: Unfulfilled expectations. *Turkish Studies*, vol. 14, no. 2, pp. 193–211.
14. Danforth N. 2008. Ideology and pragmatism in Turkish foreign policy: From Atatürk to the AKP. *Turkish Policy Quarterly*, vol. 7, no. 3, pp. 83–95.
15. Gordon P.H., Taşpınar Ö., Özel S. 2008. *Winning Turkey. How America, Europe, and Turkey can revive a fading partnership*. Washington, D.C., Brookings Institution Press.
16. Gözen R. 2010. Turkish-American relations in 2009. *Perceptions*, vol. 25, no. 3–4, pp. 49–77.
17. Han A.K. 2010. From strategic partnership to model partnership: AKP, Turkish-US relations and the prospects under Obama. *UNISCI Discussion Papers*, no. 23, May, pp. 77–112.

18. Kalın I. 2010. US-Turkish relations under Obama: Promise, challenge and opportunity in the 21st century. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, vol. 12, no. 1, pp. 93–108.
19. Kanat K.B. 2015. *Turkey and the U.S.: The longest two years of the relations*. June, no. 16. Washington, D.C.: SETA.
20. Kardaş Ş. 2011. Turkish-American relations in the 2000s: Revisiting the basic parameters of partnership? *Perceptions*, vol. 26, no. 3, pp. 25–52.
21. Kibaroglu M. 2011. *Turkey, NATO and nuclear sharing: Prospects after NATO's Lisbon summit*. Nuclear policy paper. April, no. 5. Arms Control Association/British-American Security Information Council/Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg.
22. Kramer H. 2010. *AKP's new foreign policy between vision and pragmatism*. Working Paper. FG 2, June. Berlin, Stiftung Wissenschaft und Politik.
23. Larrabee F.S. 2011. The 'New Turkey' and American-Turkish relations. *Insight Turkey*, vol. 13, no. 1, pp. 1–9.
24. Larrabee F.S. 2010a. *Troubled partnership: US-Turkish relations in an era of global geopolitical change*. Santa Monica, CA, RAND Corporation.
25. Larrabee F.S. 2010b. Turkey's new geopolitics. *Survival*, vol. 52, no. 2, pp. 157–180.
26. Murinson A. 2006. The Strategic Depth Doctrine of Turkish foreign policy. *Middle Eastern Studies*, vol. 42, no. 6, pp. 945–964.
27. Oğuzlu T. 2013. Testing the strength of the Turkish-American strategic relationship through NATO: Convergence or divergence within the alliance? *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, vol. 15, no. 2, pp. 207–222.
28. Oğuzlu T. 2012. Turkey's eroding commitment to NATO: From identity to interests. *The Washington Quarterly*, vol. 35, no. 3, pp. 153–164.
29. Özhan T. 2010. Turkey, Israel and the US in the wake of the Gaza flotilla crisis. *Insight Turkey*, vol. 12, no. 3, pp. 7–18.
30. Parris M.R. 2008. Common values and common interests? The Bush legacy in U.S.-Turkish relations. *Insight Turkey*, vol. 10, no. 4, pp. 5–14.
31. Sims J. 2010. Turkey's maturing foreign policy: A view from the USA. *Bilge Strateji*, vol. 2, no. 2, pp. 169–200.
32. Stein A. 2011. Resetting U.S.-Turkish relations: Charting a new way forward. *Journal of Strategic Security*, vol. 4, no. 1, pp. 1–18.
33. Tan N. 2010. Turkish-U.S. strategic partnership. *Turkish Policy Quarterly*, vol. 9, no. 3, pp. 13–21.
34. Taşpınar Ö. 2009. Obama's Turkey policy: Bringing credibility to 'strategic partnership'. *Insight Turkey*, vol. 11, no. 1, pp. 13–21.
35. Taşpınar Ö. 2011. The rise of Turkish Gaullism: Getting Turkish-American relations right. *Insight Turkey*, vol. 13, no. 1, pp. 11–17.
36. Tersch E. von. 2009. *Developing a strategic partnership with Turkey*. U.S. Army War College Strategy Research Project. Carlisle, PA, U.S. Army War College.
37. Türkmen F. 2012. *Kyrylgan ittifaktan 'Model Ortaklygha'*. *Turkiye-ABD ilishkileri* [From fragile alliance to 'model partnership'. Turkey-US relations]. Istanbul, Timash Yayinlary. (In Turkish.)
38. Türkmen F. 2009. Turkish-American relations: A challenging transition. *Turkish Studies*, vol. 10, no. 1, pp. 109–129.
39. Üstün K. 2010. Turkey's Iran policy: Between diplomacy and sanctions. *Insight Turkey*, vol. 12, no. 3, pp. 19–26.

40. Walker J.W. 2010. *The United States and Turkey: Can they agree to disagree?* Crown Center for Middle East Studies. November, no. 46. Waltham, Massachusetts, Brandeis University.

41. Wexler R. 2010. United States and Turkey: Allies at odds? *Insight Turkey*, vol. 12, no. 4, pp. 9–14.

42. Williams P.A. 2011. Barack Obama and the ‘model partnership’? In Akbarzadeh Sh. (ed.). *America’s challenges in the Greater Middle East: The Obama administration’s policies*. New York, Palgrave Macmillan, pp. 246–254.

43. Yılmaz N. 2011a. Stratejik ortaklyktan model ortaklygha: Turkiyenin baghymсыz dysh politikasynyn etkileri [From strategic partnership to model partnership: Impacts of Turkish independent foreign policy]. *Turk dysh politikasy yillyghy 2010* [Turkish foreign policy yearbook 2010]. Ankara, SETAV, s. 551–577. (In Turkish.)

44. Yılmaz N. 2011b. U.S.-Turkey relations: Model partnership as an ‘empty signifier’. *Insight Turkey*, vol. 13, no. 1, pp. 19–25.